

Н.Г. ДЖУСОЙТЫ КАК ТЕОРЕТИК И ПРАКТИК ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Е.Б. Дзапарова

Проблемы теории и практики художественного перевода как феномена межкультурной коммуникации в наше время актуализируются в современной филологической науке. Расширяется исследовательское поле в этой области научного знания для переводоведов и всех, кто интересуется проблемами диалога культур. Выбор темы исследования обусловлен и прошедшим в этом году 95-летним юбилеем известного осетинского поэта, драматурга, литературоведа Нафи Григорьевича Джусойты.

В статье рассматривается вклад народного писателя Осетии в теоретическое осмысление проблем художественного перевода; впервые анализируется одно из самых сложных для перевода стихотворений А.С. Пушкина «Пророк» в интерпретации Н. Джусойты.

В частности, автором в статье представлен анализ опубликованных Джусойты на страницах центральных литературных журналов дискуссионных работ по наиболее актуальным проблемам переводоведения. В них Джусойты фокусирует внимание на вопросах верности перевода оригиналу, повышения качества подстрочников, новаторства и модернизации классических произведений; обуславливает важность переводческого чтения в процессе постижения оригинала; определяет специфику поэтического перевода; выступает против украшения в переводе, демонстрации на всесоюзном уровне слабых оригиналов и несовершенных переводов. В целом, Джусойты, полемизируя с известными теоретиками, предлагает свою концепцию перевода, начиная от выбора произведения и до конечного результата – текста на другом языке. Перед нами круг проблем, которые до сих пор волнуют специалистов по художественному переводу.

Автором статьи также представлен сравнительно-сопоставительный анализ стихотворения А. Пушкина в оригинале и в переводческой интерпретации Н.Г. Джусойты. Сличение текстов на смысловом уровне показало стремление Джусойты найти художественные средства, которые помогут раскрыть основной образ. Но не везде раскрыт двуязычный смысл, запечатленный в лексических единицах исходного языка.

Ключевые слова: художественный перевод, теория и практика перевода, Н.Г. Джусойты, А.С. Пушкин, стихотворение «Пророк».

Вопросы литературных взаимосвязей и проблемы двуязычия занимают в творчестве патриарха осетинской литературы Нафи Григорьевича Джусойты особое место [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Межкультурный диалог наиболее

плодотворно прослеживается им в художественном переводе. Большой вклад внесен Джусойты в теоретическое осмысление проблем художественного перевода и в их практическую реализацию. Переводческое наследие Джусойты составляют переводы произведений русских и зарубежных классиков, северокавказских писателей. Некоторые из переводных произведений до сих пор остаются непревзойденными. В поле зрения Джусойты-переводчика находится и осетинская литература. Прекрасно владея русским и осетинским языками, ему одинаково хорошо удавалось переводить осетинских авторов. Так, на родной язык Джусойты были переложены некоторые русскоязычные стихотворения и поэма «Фатима» К.Л. Хетагурова. Феномен Джусойты как писателя-переводчика раскрылся и в авторском переводе. Он один из первых в осетинской литературе обратился к самопереводу: перевел свои повести на русский язык.

Произведения самого писателя стали достоянием русских, украинских, киргизских, абхазских, грузинских, польских читателей. Особенно широко представлено творчество Джусойты на русском языке благодаря переводам Я. Козловского, И. Фаликова, Н. Орловой, Н. Дардыкиной, И. Хугаева и др. переводчиков.

Нами в предыдущих работах уже предпринималась попытка анализа некоторых переведенных Джусойты текстов. В настоящем же исследовании рассмотрим вклад писателя в теоретическое осмысление проблем художественного перевода и проследим их практическое применение на примере переведенного стихотворения А.С. Пушкина «Пророк».

Одной из первых работ Джусойты, затрагивающих общие и частные аспекты художественного перевода, стала статья «Пушкин на осетинском языке (заметки переводчика)», основные тезисы которой представлены автором на Третьей Всесоюзной пушкинской конференции (Москва, 6-10 июня 1951 г.) [7, 459–463]. Прослеживая традицию перевода прозаических, драматических, поэтических произведений Пушкина в осетинской литературе, Джусойты указаны проблемы функционирования лексико-семантических, стилистических соответствий в переводящем языке, трудности фразеологического характера, создаваемые русским языком в работе переводчика. Значительные сложности при переходе текста в другую лингвокультуру писатель связывает с «разным уровнем развития русского и осетинского языков» [7, 461]. Тем не менее, по мнению Джусойты, они не должны стать препятствием в работе переводчика.

Большое значение для развития науки о переводе имеют работы Джусойты, опубликованные в центральных периодических изданиях.

В 1970-80-х гг. к переводческому труду как деятельности государственного значения широкий интерес начали проявлять литературоведы,

лингвисты, писатели, критики, редакторы журналов и газет. На страницах журналов «Вопросы литературы», «Дружба народов», «Литературное обозрение», «В мире книг» и в «Литературной газете» поднимались проблемы перевода, выходящие за рамки национального языка и национальной культуры. В дискуссионном обсуждении проблем художественного перевода активную позицию занял и Н.Г. Джусойты. В 1972 г. в «Литературной газете» была опубликована статья автора «*Обманчивая прелесть „игры без правил“*» [8, 2]. В ней Джусойты, обращаясь к анализу стихотворения К. Кулиева «Лунная ночь» в переводе Б. Ахмадулиной, поднимает проблему переводческого произвола, начинающего там, по мнению писателя, «где переводчик навязывает автору подлинника свою волю» [8, 4]. Противником Н. Джусойты в дискуссии стал автор книг по художественному переводу Г. Гачечиладзе, вернее его субъективная оценка переводческой верности (а объективно – вольности!) (см. Литературная газета, №44). Объектом спора явились стихотворения грузинского автора Н. Бараташвили в переводе Б. Пастернака. Зная в совершенстве язык оригинала, Джусойты вступает в спор с Гачечиладзе, не соглашаясь с мнением последнего об эстетической равноценности перевода и оригинала. По мнению осетинского теоретика, черты лица автора Пастернак заслоняет своим переводческим лицом. Затрагивается в статье и вопрос присутствия «духа» переводчика в переводном тексте. По строгому убеждению Джусойты, талант переводчика проявляется там, где он работает в унисон с автором оригинала, органично сливается с «духом» подлинника и компенсирует возможностями родного языка неизбежные при переводе потери.

Особой дискуссионной площадкой для обсуждения теоретических и практических проблем художественного перевода стали страницы журнала «Дружба народов». В №1 за 1978 г. была опубликована статья писателя и литературоведа Ю. Абызова «*Престиж переводчика*», ставшая толчком для возникновения полемики между практиками перевода. «*Несколько наболевших вопросов*» [9] – так называлась статья-ответ Н. Джусойты на вопрос о личности переводчика. А по сути, затрагивала другие основные и актуальные проблемы переводческого искусства: что называют переводным *текстом* и переводческим *сочинением/фантазией* (курсив наш – Е.Дз.), какова степень ответственности переводчика перед оригиналом и мера проявления его таланта при переводе, как повысить качество подстрочников и как правильно прочитать/интерпретировать переводной текст. Как дело благородного значения, наряду с написанием оригинального произведения, рассматривает Джусойты художественный перевод, где удельный вес вклада в таком литературном труде автора и переводчика равный. При этом Джусойты исходит из убеждения, что при сопоставимо-

сти текстов на идейном, смысловом, эмоционально-содержательном, образном, интонационно-ритмическом, стилистическом, лексическом и т.д. уровнях дает право говорить о художественном переводе, а не о практике вольного переложения текста или о фантазировании в переводе.

Затрагивая вопрос о слабости оригинала и об оказании переводчиком медвежьей услуги автору, Джусойты выступает против украшательства в переводе. В качестве примера приводит стихи осетинского поэта И. Цховребова в переводе Вл. Цыбина, аварского поэта Р. Гамзатова в переводе Я. Козловского. Очевидные разночтения на содержательном и формальном уровнях оригинала и перевода послужили причиной констатации писателем факта, что не существует дилеммы: слабый поэт – талантливый переводчик, талантливый автор – слабый переводчик. По строгому суждению Джусойты, какой бы талантливый ни был переводчик, он должен реализовать в переводе концепцию автора, а не свою. Чем одареннее переводчик, тем меньше мы увидим *ЕГО* в переводе и больше личность автора.

Особую ответственность, наряду с трансляторами одного и того же текста (автором и переводчиком), несет и автор подстрочника, с легкой руки которого иногда допускаются переводческие своеволия и «фантазирования». Несовершенный подстрочник, по мнению Джусойты, может исказить достоинство оригинала, и для избегания подобного ратует за создание при Совете по художественному переводу библиотеки подстрочников лучших книг. Наличие такого подстрочника, по которому можно судить о достоинствах книги и, наоборот, о ее недостатках, будет основным и решающим фактором в необходимости перевода произведений на другой язык.

Полемизирует автор в статье с Ю. Абызовым и по вопросу важности для решения переводческих задач степень верного прочтения оригинала, где первостепенную роль отводит не литературоведческому прочтению исходного текста (по Ю. Абызову), а переводческому. Согласно Джусойты, не столь важен для создания адекватного художественного текста на другом языке литературный анализ, как переводческий, учитывающий не только его внешние атрибуты, но и внутренние связи (драматизм, отношение автора к героям и пр.). В качестве примера неверного переводческого прочтения исходного текста Джусойты приведено стихотворение Г. Табидзе «Мери» в интерпретации на русском языке Б. Ахмадулиной. Подводя итоги своих размышлений в статье, Джусойты перед переводчиком ставит следующие основные задачи: «Быть максимально точным и верным оригиналу в чтении текста, бережно и талантливо перевыразить верно прочитанный мир оригинала, возместить потери органично для оригинала» [9, 264]

Достижение художественной выразительности текста в переводе при сохранении верности подлиннику – предмет обсуждения Джусойты в статье «*Исправительный перевод?*» [10, 265–268]. Полемизируя с известной советской и российской поэтессой Юнной Мориц, Джусойты вступает за права автора подлинника, против нарушения в переводе определяющих особенностей формы и содержания оригинала. Тогда как поэтесса высказывается за безграничное право переводчика изменять целостность текста в угоду своему художественному вкусу. В противовес Мориц теоретик беспокоится не только за конечный результат – текст в переводе в целом, а за его творческое приближение к оригиналу, избегая при этом буквализма. Верность подлиннику Джусойты считает высшим достижением в переводе, исключая усечение или, наоборот, расширение объема переводимого произведения. Ю. Мориц, теоретически допуская нарушения композиционного строя оригинала, сама не раз в своей практике прибегала к подобным переводческим трансформациям [см. 11, 254–258]. Опровергает Джусойты и убеждение поэтессы, что слепое следование подлиннику лишает текст поэтического совершенства, и верность подлиннику хранит только несовершенный перевод. Напротив, блестящий переводческий опыт многих писателей, полемизирует автор статьи, подтверждается сочетанием верности подлиннику и поэтическим совершенством. Только сильному переводчику, уверенно заявляет Джусойты, в силах передать со всей полнотой поэтический мир переводимого автора, «постигнуть всю глубину содержания, сложное сцепление элементов поэтического организма» [10, 266].

Бесспорно и то, что творчество всегда лично, а отдельное произведение, как справедливо полагает Джусойты, есть фрагмент поэтической судьбы автора, часть его художественного мира. Поэтому переводчик не вправе подменять чужую судьбу своей, чужой мир заслонять своим собственным видением мира, переделывать произведения «по своему вкусу и согласно своим эстетическим пристрастиям» [10, 268]. При наличии такого своеволия текст остается за пределами художественного перевода и напоминает «исправительный перевод» (термин А.С. Пушкина) [12, 36].

Большое внимание Джусойты уделил обсуждению проблем художественного перевода и на страницах журнала «Вопросы литературы». Предметом обсуждения в статье «*Мера совершенства*» вновь становится вопрос верности перевода оригиналу, который оценивается Джусойты по степени сопоставимости разноязычных текстов на всех содержательных и формообразующих уровнях [13, 6–7]. Сущность процесса перевода, ссылаясь на теоретический опыт известных исследователей (И. Левого, А. Абуашвили), Джусойты сводится к постижению, сохранению и передаче

подлинника. Для Джусойты-переводчика вопрос сохранения оригинала всегда решался на стадии постижения. В процессе ознакомления с текстом переводчиком определяются рамки допустимых потерь. При этом зачастую переводческие решения обусловлены национальной художественной традицией и особенностями языка, на который осуществляется перевод. В качестве примера Джусойты приводятся примеры из собственной практики перевода произведений Пушкина. По мнению осетинского поэта, выражения «*мой дядя самых честных правил*», «*шестикрылый серафим*», «*десница*» не могут быть воссозданы на осетинском языке по объективной причине – отсутствие в словаре переводящего языка единиц, равнозначных по содержанию и по заключенным в них дополнительным оттенкам значения. Переводчик вынужден жертвовать ими, но при этом находить иные средства для воссоздания патетичности текста и его архаизации. Различия в особенностях национального стихосложения, как дальше обосновывает Джусойты схему вынужденных изъятий из текста, также побуждают переводчика прибегать к различным трансформациям на стадии предпереводческого анализа – знакомства, изучения, восприятия и осмысления оригинала [см. подробнее 14, 418–419]. Менять размер, равное количество слов в стихе и т.д. переводчик стремится во избежание «недопустимой напряженности высказывания, очевидной искусственности» [13, 8]. И все же, по мнению Джусойты, основные переводческие решения практик должен принимать уже на стадии процесса перевода – переложения художественного текста на другой язык.

Внимание автора и в этой работе заострено на умении переводчика правильно понять и верно прочитать оригинал. На примере стихотворения М.Ю. Лермонтова «Парус» Джусойты обуславливает важность переводческого чтения в дополнение к литературоведческому и критическому, при котором переводчик постигает не столь мысль автора, сколько раскрывает внутритекстовые связи. Объективное переводческое чтение на стадии постижения оригинала лишает переводчика произвола на стадии воспроизведения текста на другом языке. Только верность подлиннику в чтении и в воссоздании текста дает возможность переводчику, по строгому убеждению критика, создать совершенные произведения переводческого искусства.

Растущий интерес к переводческой деятельности и осознание роли перевода в развитии просвещения и культуры многих стран и народов открывают все новые перспективы для исследователей. От проблем общей теории и практики перевода они переходят к обсуждению частных переводческих проблем. Так, журнал «Вопросы литературы» (1979, №5) печатает материалы «круглого стола» «Художественный перевод и взаимо-

действие литератур», участниками которого стали известные теоретики и практики, поэты и писатели, критики со всех уголков бывшего СССР. Обсуждение злободневных вопросов переводоведения сопровождалось полемикой вокруг расхождений взглядов на: критерии верности оригиналу, вопрос о подстрочнике, примат формы над содержанием в поэзии, правомерность вариативности в переводе, специфику перевода разножанровых текстов и проч. При этом основные выдвигаемые участниками дискуссии теоретические положения совпадали с принципами Джусойты.

Статья самого Н.Г. Джусойты *«В их собственном виде»* [15, 76–79] направлена против издания некачественных переводов и, наоборот, демонстрации несовершенных оригиналов, переводов слабых оригиналов хорошими переводчиками. Для сокращения субъективизма при подборе литературы для перевода на русский язык Джусойты вновь предлагает создать библиотеку подстрочников с национальных языков в помощь переводчикам. Джусойты ратует за то, чтобы в художественном переводе было больше критики с опорой на научный фундамент.

Продолжение дискуссии по вопросам перевода нашло место на страницах журнала *«Литературное обозрение»* (см. статьи Л. Озерова (1983, №3), А. Кима (№4), Д. Самойлова (№5), Ю. Абызова (№6), Н. Капиевой, П. Мовчана, Л. Мкртчяна (№7)). Предметом спора стали основополагающие проблемы теории и практики перевода. Джусойты поднимает вопросы компенсации потерь, переводческого своеволия и вмешательства в текст, уточняет случаи необходимости осовременивания оригинального текста, рассматривает основные трудности поэтического перевода. Джусойты фокусирует свое внимание на сохранении при переводе авторского лица, на сущности творческой индивидуальности переводчика, которая, как справедливо полагает теоретик, находит проявление на всех этапах творческого процесса.

Джусойты в своей статье *«Все сущее – увековечить»* [16, 36–41], рассматривая фигуру переводчика как создателя вторичного текста, останавливается на этапах постижения им текста. Для верного «перевыражения» текста на ином национальном языке переводчик должен, по его мнению, свести свои творческие деяния к триединству: постичь, вообразить и пережить выраженную информацию в подлиннике. Помимо слагаемых идеи «перевыражения», «теория» Джусойты заключается в определении границ «перевыразимого», сведении к минимуму «неперевыразимое», органичном компенсировании его в аналоге.

Второй обсуждаемой проблемой в статье стал вопрос новаторства в переводе, роль которого, по Джусойты, нивелируется для автора подлинного произведения переводческого искусства. Когда же речь идет

о подражании, вариации на тему оригинала, где мера проявления собственного таланта переводчика безгранична, проявление новаторских способностей оправдано. Но даже в том случае, как полагает Джусойты, если творческий талант переводчика сильнее авторского, он не вправе вносить свое в текст, «реализовывать свои авторские амбиции» [16, 39], менять концепцию оригинала.

Имеет место в статье и вопрос о модернизации классических произведений в процессе перевода. Частичное «приближение классики к современности» [16, 39] позволил Джусойты самому осуществить на осетинском языке ряд замечательных переводов из русской литературы.

В своих статьях писатель не раз приводит примеры из пушкинских и лермонтовских произведений в собственном переводе. Как реализовалась теоретическая концепция самого Джусойты на практике, рассмотрим на примере художественного перевода стихотворения А.С. Пушкина «Пророк».

«Пророк» Пушкина относится к тем классическим произведениям русской литературы, попытки переводов которого на другие языки редко становились успешными. Лексический строй, выразительные средства языка и жанровые особенности произведения накладывают ряд ограничений на ход переводческого процесса.

В чем истинное предназначение поэта? Над этим вопросом не раз задумывался сам Джусойты. Поэтому выбор переводимого произведения объясняется не только интересом к творчеству русского поэта в целом, но и темой, которая актуальна и для переводчика.

Многие литературоведы делят стихотворение на три смысловые части, в каждой из которых им видится преображение лирического героя: блуждание одинокого в пустыне и снисхождение шестикрылого серафима, наделение героя даром прозрения и постижение им великих тайн бытия, перерождение лирического героя/поэта в пророка и определение его истинного предназначения [17; 18; 19].

Особенностью пушкинского текста является наличие в словах двух смысловых полей. Помимо прямого значения, в словах вложен скрытый смысл:

*Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился [20, 385].*

В этих зачинательных строках ярко проявилась двуплановость стихотворения: лирический герой, мучительно страдающий, ищет в богоотреченном

месте для себя душевного обновления. Образ пустыни здесь дополнен образом разветвленного пути – перепутья. Хотя представленный художественный образ дороги воплощает и глубинный смысл: «находиться на перепутье» – оказаться перед выбором пути. Для понимания авторского замысла переводчику необходимо было отразить не только житейский план, но и библейский [21, 78].

*Æз удфарн агуырдатон уырзæй
Сыгъд быдыры – цæр дзы йе амæл.
Æваст мыл харæбазыр зæд
Мæ балцы сажилвæды амбæлд [22, 35].*

Я благодать души искал кончиками пальца
На выжженном поле – живи или умри там.
Неожиданно ангел с шелковыми крыльями
На перепутье моей дороги повстречался
(здесь и далее подстрочный перевод наш – Е.Дз.)

В переводе двусмысленность местами теряется. Перевод явно не отражает борения героя с самим собой и его душевные метания. Они указаны скрыто – «удварн» – искал благодать для не находящей покоя души. Внутреннее состояние героя передают и внешние действия, пейзаж: «влачился», «мрачная пустыня». Глагол «влачить» (здесь не только в прямом значении «идти медленно», но и в перен. от. «влачить жизнь» – жить без удовольствия) в переводе теряет свой второй смысл. Архаичность снята синонимической заменой «искать». Эквивалент не передал бы авторского замысла, и переводчик не стал уводить читателя далеко от оригинала. Во втором случае Джусойты также отказался от прямого эквивалента «тар» и использует ассоциативную замену: «мрачная пустыня» – «сыгъд быдыр» (букв. выжженное поле) – место покинутое Богом; там, где нет ни души; здесь ассоциируется с душевной пустотой, сопровождающей героя в начале пути.

Преображение избранника происходит после встречи с посланником Бога – шестикрылым Серафимом – в переводе «ангел с шелковыми крыльями». Обеднение образа в осетиноязычном тексте связано с отсутствием идентичного в языке перевода символа христианской мифологии. Джусойты использует близкий к религиозному сознанию реципиента образ – «харæбазыр зæд».

Произведение имеет сложный лексический пласт языка, включающий церковнославянизмы, архаизмы, перевод которых не всегда требует нахождения в языке равноценной замены. С их помощью, а также с использованием в поэзии других художественных приемов достигается торже-

ственный стиль, свойственный одическому стиху. В переводе Джусойты патетика стиха утрачивается заменой устаревшей лексики и грамматических форм (*виждь, внемли*), придающих тексту Пушкина библейский колорит, на привычные для реципиента в языке перевода эквиваленты. По объективным причинам (в языке перевода нет равноценных замен) Джусойты использует нейтральные, лишенные патетики оригинала единицы перевода, подходящие по контексту: «зеницы» – «гагуйтæ», «горний» – «бæрзонд», «глас» – «дзырд», «прозябанье» – «хизын». Патетика переводимого стиха компенсируется с помощью иных стилистических средств. Для сохранения исторического колорита и стиховой тональности переводчик стремится использовать и в переводе лексические единицы, относящиеся к пласту устаревшей лексики: «персты» – «арм», «уста» – «ком», «кровавая десница» – «тугарм». В ином случае применяет нулевой перевод («отверзлись», «лукавый»).

Как известно, в основу стихотворения Пушкина был положен библейский сюжет – Легенда об Исае. Не только лексика, но архитектура текста диктуется основной идеей произведения. Характерное для построения библейского текста единоначатие – использование союза «и» – не сохранено в переводе, таким образом утрачивается и православный смысл, заложенный в исходном тексте. Подобное синтаксическое построение предложений создает единство всех излагаемых автором событий. Джусойты не сохраняет анафорический зачин, но использует повтор в другом месте: вместо сочинительного союза «и» рефреном дает наречие «куыд». Параллелизм в строках сохраняет ритмичность и в переводе:

<i>И горний ангелов полет,</i>	<i>Куыд тæхы рух бæрзæндты зæд,</i>
<i>И гад морских подводный ход,</i>	<i>Дæлфурд куыд уадзы хилæг фæд,</i>
<i>И дольней лозы прозябанье [20, 385].</i>	<i>Уидаг мæстæг мæры куыд хизы [22, 35].</i>

Как летит в светлой вышине ангел,
Под водой как оставляет гад след,
Корень плотную почву как пронзает.

Библейский стиль изложения отражен и в обратном порядке слов. Для сохранения инверсии и рифмы переводчику пришлось внести определенные лексические изменения – добавления и опущения:

<i>И он к устам моим приник,</i>	<i>Мæ коммæ йе 'внæлд уыд хæрзуаг,</i>
<i>И вырвал грешный мой язык,</i>	<i>Фæлæ мын ме 'нæнымд æвзаг,</i>
<i>И празднословный и лукавый,</i>	<i>Мæ хин æвзаг быныл ыстыдта.</i>
<i>И жало мудрыя змеи</i>	<i>Ныджджих дæн, нал зыдтон сæрфат,</i>
<i>В уста замершие мои</i>	<i>Фæлæ мын зондджын калмы фат</i>

Вложил десницею кровавой [20, Мæ комы тугармæй ныфтыдта [22, 35–385].

Моим устам его прикосновение было приятно,
Но мне мой грешный язык,
Мой лукавый язык вырвал с корнем.
Остолбенел я, не знал определенности,
Но мне мудрой змеи жало
В мои уста кровавой рукой вложил.

Джусойты дает возможность осетиноязычному читателю постичь сложные концепты, отражающие физические страдания, через прохождение которых поэт/лирический герой видит свое освобождение от прежних мук и грехов. Переводчиком не подобраны семантические эквиваленты в прямых своих значениях, но найдены близкие художественные средства, которые помогают раскрыть основной образ. Джусойты используются лексические средства с положительной и отрицательной коннотацией: «хæрзуаг æвнæлд», «æнæнымд æвзаг», «хин æвзаг», «тугарм».

Экспрессия стиха отчетливо воссоздана в переводе и в заключительном четверостишии:

<i>«Восстань, пророк, и виждь, и внемли, Исполнись волею моей, И, обходя моря и земли, Глаголом жги сердца людей» [20, 385].</i>	<i>«Раст, пехуымпар, ыскæс дæ цæстæй, Фæдон мæ барвæндæн ысу, Фæзил-уу хæхтæ æмæ фæзтыл, Зæрдæтæ ды ныхасæй судз» [22, 36].</i>
--	---

Восстань, пророк, взгляни своими глазами,
Последователем моей доброй воли стань,
Обойди горы и равнины,
Сердца ты словом жги.

Глубже понять читателю тональность оригинала позволяют глаголы повелительного наклонения «раст» (начальная форма глагола «растын»), «ыскæс», «ысу», «фæзил-уу», «судз». Использование подобных грамматических форм мотивировано эмоциональной тональностью фрагмента, где идет призыв к действию, звучит мысль о предназначении истинного поэта. В переводе Джусойты подобран эквивалент глагола «жги» – «судз», употребленное Пушкиным переносное значение которого «воздействовать», «побуждать» вряд ли стало доступно и осетиноязычному читателю.

В приведенном фрагменте переводчик старался приблизить текст к восприятию своего читателя. Так, лучше воспринять информацию на осетинском языке ему помогла замена словосочетания «обходя моря и земли» на «фæзил-уу хæхтæ æмæ фæзтыл» (букв. «обойди горы и равнины») «Гла-

гол» – поэтическое слово, с помощью которого Бог призывает изменить мир людей, используется в архаичной форме. Джусойты использует современную форму лексемы – «дырд». Подобная модернизация позволила переводчику донести до реципиента смысл фрагмента: могучим средством воздействия поэта-пророка на мировоззрение человека является истинная поэзия.

Итак, отказ Джусойты от стилизации под ветхозаветный текст, на наш взгляд, оправдан. Переводчик ориентировался на читательскую аудиторию, для которой и создавался текст на осетинском языке. С другой стороны, переводчику «с минимальными потерями» [9, 258] удалось передать смысловой оттенок некоторых слов оригинала. Отсутствие архаизмов в языке перевода не повлияло на динамичность (а местами и на статичность) описываемого в стихотворении действия. Преображение героя – поэта – и в осетинском тексте происходит местами в заданном Пушкиным ритме.

1. Джусойты Н.Г. Единство литератур – главный предмет изучения // Вопросы литературы. 1961. №8. С. 71–74.

2. Джусойты Н.Г. Единение народа, единение литератур // Вопросы литературы. 1962. №6. С. 55–75.

3. Джусойты Н.Г. Авторитетна только истина // Литературная газета. 1965. 14 января.

4. Джусойты Н.Г. О национальной самобытности писателя // Вопросы литературы. 1968. №12. С. 33–52.

5. Джусойты Н.Г. Источник искусства: о взаимосвязи братских литератур // Советон Ирыстон. 1974. 19 февраля.

6. Джусойты Н.Г. Что это такое – родной язык писателя? // Вопросы литературы. 1988. №7. С. 29–57.

7. Джусойты Н.Г. Пушкин на осетинском языке (заметки переводчика) // Пушкин А.С. Исследования и материалы. М.-Л., 1953. С. 459–463.

8. Джусойты Н.Г. Обманчивая прелесть «игры без правил» [О стихотворении К. Кулиева «Лунная ночь» в переводе Б. Ахмадулиной] // Литературная газета. 1972. 22 ноября. С. 4.

9. Джусойты Н.Г. Несколько наблевших вопросов // Дружба народов. 1978. №11. С. 256–264.

10. Джусойты Н.Г. Исправительный перевод? // Дружба народов. 1979. №6. С. 265–268.

11. Дзапарова Е.Б. Поэты-шестидесятники как переводчики осе-

тинской поэзии // Научный диалог. 2020. № 6. С. 236–264. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-6-236-264>.

12. Пушкин А.С. О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая» // Перевод – средство взаимного сближения народов. М.: Издательство «Прогресс», 1987. С. 35–37.

13. Джусойты Н.Г. Мера совершенства // Вопросы литературы. 1978. №10. С. 4–26.

14. Sokaeva D.V., Dzaparova E.B., Dзлиева D.M. Folklore text introduction into the global information space // Advances in social science, education and humanities research. Proceedings of the International Conference «Topical Problems of Philology and Didactics: Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences» ТРНД 2018. Editor Kh. Dz. Shambezoda. 2019. С. 417–421.

15. Джусойты Н.Г. В их собственном виде // Вопросы литературы. 1979. №5. С. 76–79.

16. Джусойты Н.Г. Все сущее – увековечить // Литературное обозрение. 1983. №8. С. 36–41.

17. Иванов В.В. Поэтика стихотворения А.С. Пушкина «Пророк»: к структурно-силовой теории жанров // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22. № 1. С. 83–88.

18. Иванова М.И. Стихотворение А.С. Пушкина «Пророк». X-XI Классы // Литература в школе. 2009. №5. С. 27–28.

19. Королева С.Б. Пророческая тема в стихотворении А.С. Пушкина «Пророк»: диалог с традицией и эпохой // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. №61. С. 206–225. <https://doi:10.17223/19986645/61/12>.

20. Пушкин А.С. Сочинения. В 3-х т. М.: Художественная литература, 1985. Т. 1. 735 с.

21. Шестакова Л.Л. Лингвистический анализ стихотворения А.С.Пушкина «Пророк» // Русский язык в школе. 1977. № 3. С. 77–81.

22. Пушкин А. Уацмыстæ. Орджоникидзе: Ир, 1986. 399 ф. (на осет.яз.).

Dzaparova, Elizaveta B. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); l-dzaparova@mail.ru

N.G. JUSOITY AS A THEORETIC AND PRACTICE OF ART TRANSLATION

Keywords: literary translation, theory and practice of translation, N.G. Dzhusoyty, A.S. Pushkin, the poem «The Prophet».

The problems of the theory and practice of literary translation as a phenomenon of intercultural communication are still actualized in modern philological science. The research field in this area of scientific knowledge is expanding for translators and those interested in the problems of the dialogue of cultures. The choice of the research topic was also conditioned by the 95th anniversary of the famous Ossetian poet, playwright, literary critic Nafi Grigorievich Jusoyty, celebrated this year.

The article examines the contribution of the people's writer of Ossetia to the theoretical understanding of the problems of literary translation; for the first time one of the most difficult poems for translation by A.S. Pushkin's «Prophet» in the interpretation of N. Jusoyty is reviewed.

In particular, the author in the article presents an analysis of the discussion papers published by Jusoyty on the pages of central literary journals on the most pressing problems of translation studies. In them, Jusoyty focuses on the issues of closeness to the original, improving the quality of interlinear translations, innovation and modernization of classical works; determines the importance of translation reading in the process of comprehending the original; determines the specifics of poetic translation; opposes embellishment in translation, the demonstration of weak originals and imperfect translations at the all-Union level. In general, Jusoyty, arguing with well-known theorists, offers his own concept of translation, starting from the choice of a work and up to the final result – a text in another language. We are faced with a range of problems that still concern specialists in literary translation.

The author of the article also presents a comparative analysis of A. Pushkin's poem in the original and in t/he translation interpretation of N.G. Jusoyty. Comparison of the texts at the semantic level showed Jusoyty's desire to find close artistic means that help to reveal the main image. But not everywhere is disclosed the two-dimensional meaning embodied in the lexical units of the source language.

REFERENCES

1. Dzhusoity, N.G. *Edinstvo literatur – glavnyi predmet izucheniya* [The unity of literature is the main subject of study]. *Voprosy literatury* [Questions of literature]. 1961, no. 8, pp. 71–74.
2. Dzhusoity, N.G. *Edinenie naroda, edinenie literatur* [The unity of the people, the unity of literatures]. *Voprosy literatury* [Questions of literature]. 1962, no. 6, pp. 55–75.
3. Dzhusoity, N.G. *Avtoritetna tol'ko istina* [Only truth is authoritative]. *Literaturnaya gazeta* [Literary newspaper]. 1965. 14 January.
4. Dzhusoity, N.G. *O natsional'noi samobytnosti pisatelya* [On the national identity of the writer]. *Voprosy literatury* [Questions of literature]. 1968, no 12, pp. 33–52.
5. Dzhusoity, N.G. *Istochnik iskusstva: o vzaimosvyazi bratskikh literatur* [The

source of art: on the relationship of fraternal literatures]. *Soveton Iryston* [Soviet Iriston]. 1974. 19 February.

6. Dzhusoity, N.G. *Chto eto takoe – rodnoi yazyk pisatelya?* [What is it – the native language of the writer?]. *Voprosy literatury* [Questions of literature]. 1988, no. 7, pp. 29–57.

7. Dzhusoity, N.G. *Pushkin na osetinskom yazyke (zametki perevodchika)* [Pushkin in the Ossetian language (translator's notes)]. *Pushkin A.S. Issledovaniya i materialy* [Pushkin A.S. Research and materials]. Moscow–Leningrad, 1953, pp. 459–463.

8. Dzhusoity, N.G. *Obmanchivaya prelest' «igry bez pravil»* [The deceiving beauty of the «game without rules»]. *Literaturnaya gazeta* [Literary newspaper]. 1972. 22 november, p. 4.

9. Dzhusoity, N.G. *Neskol'ko nabolevshikh voprosov* [Several painful questions]. *Druzhba narodov* [Friendship of peoples]. 1978, no. 11, pp. 256–264.

10. Dzhusoity, N.G. *Ispravitel'nyi perevod?* [Correctional translation?]. *Druzhba narodov* [Friendship of Peoples]. 1979, no. 6, pp. 265–268.

11. Dzaparova, E.B. *Poety-shestidesyatniki kak perevodchiki osetinskoj poezii* [Poets of the Sixties as Translators of Ossetian Poetry]. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue]. 2020, no. 6, pp. 236–264. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-6-236-264>.

12. Pushkin, A.S. *O Mil'tone i Shatobrianovom perevode «Poterjannogo raja»* [On Milton and Chateaubriand's translation of Paradise Lost]. *Perevod – sredstvo vzaimnogo sblizhenija narodov* [Translation is a means of mutual rapprochement of peoples]. Moscow, Izdatel'stvo «Progress», 1987, pp. 35–37.

13. Dzhusoity, N.G. *Mera sovershenstva* [The measure of perfection]. *Voprosy literatury* [Questions of literature]. 1978, no. 10, pp. 4–26.

14. Sokaeva, D.V., Dzaparova, E.B., Dzlueva, D.M. Folklore text introduction into the global information space. Advances in social science, education and humanities research. Proceedings of the International Conference «Topical Problems of Philology and Didactics: Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences» TPHD 2018. Editor Kh. Dz. Shambezoda. 2019, pp. 417–421.

15. Dzhusoity, N.G. *V ikh sobstvennom vide* [In their own form]. *Voprosy literatury* [Questions of literature]. 1979, no. 5, pp. 76–79.

16. Dzhusoity, N.G. *Vse sushchee – uvekovechit'* [Everything that exists is to perpetuate]. *Literaturnoe obozrenie* [Literary Review]. 1983, no. 8, pp. 36–41.

17. Ivanov, V.V. *Poetika stikhotvoreniya A.S. Pushkina «Prorok»: k strukturalno-silovoi teorii zhanrov* [Poetics of the poem by A.S. Pushkin's «Prophet»: to the structural-power theory of genres]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstven-*

nogo universiteta [Vestnik of Kostroma State University]. 2016, vol.22, no.1, pp. 83–88.

18. Ivanova, M.I. *Stikhotvorenie A.S. Pushkina «Prorok». X-XI Klassy* [The poem by A.S. Pushkin's «Prophet». X-XI grades]. *Literatura v shkole* [Literature at school]. 2009, no. 5, pp. 27–28.

19. Koroleva, S.B. *Prorocheskaya tema v stikhotvorenii A.S. Pushkina «Prorok»: dialog s traditsiei i epokhoi* [The Theme of the Prophet in Alexander Pushkin's Poem "The Prophet": A dialogue with the Tradition and the Epoch]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology]. 2019, no. 61, pp. 206–225. DOI: 10.17223/19986645/61/12

20. Pushkin, A.S. *Sochineniya. V 3-kh t.* [Compositions. In 3 volumes]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1985. vol. I. 735 p.

21. Shestakova, L.L. *Lingvisticheskii analiz stikhotvoreniya A.S.Pushkina «Prorok»* [Linguistic analysis of the poem by Alexander Pushkin «The Prophet»]. *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school]. 1977, no. 3, pp. 77–81.

22. Pushkin, A.S. *Uatsmystæ* [Works]. Ordzhonikidze, Ir, 1986. 399 p. (in Ossetian).